

РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Л.А. АНДРЕЕВА***Деевропеизация христианства в XXI веке:
феномен “южного христианства”**

В статье обсуждается проблема глобальной трансформации христианства в контексте его деевропеизации и переноса центра тяжести мирового христианства в страны глобального Юга. На основании анализа религиозности “южных” христиан делаются выводы не только о географических, но и глубоких качественных отличиях “южного” христианства от христианства Запада — “северного” христианства, что позволяет определять его как нарождающуюся новую глобальную реальность, как “следующее христианство” и сделать вывод о том, что “южное” христианство мало совместимо с традиционным христианством так называемого “глобального Севера”. Традиционному христианству это перемещение центра тяжести на “глобальный Юг” несет угрозу архаизации, понимаемой как закат христианства.

Ключевые слова: христианство, деевропеизация христианства, “южное” христианство, религиозность, архаизация христианства.

Христианство — мировая религия, которая на протяжении двух тысячелетий детерминировала цивилизационное развитие мира. Вплоть до середины XX в. оно имело четко выраженную, веками сложившуюся географическую и этническую локализацию. В 1453 г., после падения Константинополя, Папский престол провозгласил, что Европа осталась единственным домом христианства. Все последующие 500 лет Европа в широком смысле слова (включая Россию, затем США и другие территории, заселенные выходцами из Европы) отождествлялась с христианством. Предчувствуя надвигающуюся деевропеизацию христианства, уже в 1985 г. кардинал П. Пупар писал: “Однажды, тому с лишком тысяча лет, папы приняли решение попроситься с римским миром и обратиться к варварам. Не следует ли ждать сегодня аналогичного и еще более глубокого движения?” [Poupard 1985, p. 143].

Деевропеизация христианства

Стремительное изменение традиционной этническо-географической локализации христианства в начале XXI в. подтверждает предчувствие кардинала. По данным исследования “Глобальное христианство”, проведенного “The Pew Research Center”, специализирующегося на опросах общественного мнения, демографических

А н д р е е в а Лариса Анатольевна — доктор философских наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН. Адрес: ул. Профсоюзная, д. 90, Москва, 117630. E-mail: ons@naukaran.com

исследованиях, анализе медиаконтента и других эмпирических разработках [Global Christianity 2011], по состоянию на 2010 г. в мире насчитывалось 2,18 млрд христиан всех возрастов, что составляет почти треть от расчетного мирового народонаселения в 6,9 млрд. В начале XXI в. уже ни один регион или континент не может считаться центром глобального христианства, хотя еще 100 лет назад это было не так. В 1910 г. около двух третей христиан жили в Европе. На сегодняшний же день на Европу приходится лишь 26% всех христиан, на долю Южной Америки – 37%, около 24% христиан живут в Африке к югу от Сахары, а 13% проживают в Азии и Тихоокеанском регионе. Мы видим знаковое смещение: хотя в Европе и Северной Америке по-прежнему сосредоточено большинство христианского населения планеты (63%), эта доля значительно ниже, чем была в 1910 г. (93%).

Произошедшие перемены связаны как с мировым демографическим фактором, так и с процессами секуляризации. Доля европейцев, исповадовавших христианство, с 95% в 1910 г. упала до 76% в 2010 г., в Северной и Южной Америке эти цифры, соответственно, снизились с 96% до 86%. В то же время наблюдается взрывной рост численности христиан в странах Африки к югу от Сахары, где было сравнительно мало христиан в начале XX в. Там доля населения, исповедующего христианство, выросла с 9% в 1910 г. до 63% в 2010 г.

Таким образом, центр христианства стремительно перемещается в страны “глобального Юга”: Тропическую Африку, Азию, Латинскую Америку. Еще в 2010 г. на “глобальном Севере” (который обычно определяется как Северная Америка, Европа, Австралия, Япония и Новая Зеландия) проживали в четыре раза больше христиан, чем в странах глобального Юга. В настоящее время картина диаметрально противоположная: более 1,3 млрд христиан – жители глобального Юга (61%), тогда как в странах Севера проживают 860 млн христиан (39%).

Претерпела сущностное, качественное изменение сама европейская христианская религиозность. К сложившейся в Европе ситуации приложимо суждение французского антрополога, историка, социального философа М. де Серто, который в книге “Изобретение повседневности” рассматривал исчерпание религиозной веры в Европе в XX в. как органическую часть более общего процесса глубинной трансформации субъекта, его сознания и дискурса. Под верой он понимал не объект веры (догму, программу), а высокую степень инвестирования субъекта в суждение, акт высказывания и признание его истинным – иначе говоря, модальность утверждения, а не его содержание. Серто отмечал: «...в течение долгого времени считалось, что запасы веры бесконечны... Считалось, что казавшийся неисчерпаемым остаток можно перенести на другие объекты и цели, подобно тому, как падающая вода перенаправляется и используется для выработки энергии. Люди старались “захватить” эту силу, перемещая ее с одного места на другое: от, так называемых, языческих обществ, в которых она обитала, ее направляли к христианству, которое она должна была поддерживать; затем от церквей она перешла к монархической политике, а еще позже – от традиционалистской религиозности к институциям Республики, национальному образованию или разным формам социализма... Источник этот был столь богат, что, используя его, люди забыли о необходимости его анализировать. Суть военных кампаний и крестовых походов состояла в “перемещении” энергии веры в подходящие места и на подходящие (для веры) объекты. Постепенно вера загрязнялась, как воздух или вода. Эта движущая энергия, всегда сопротивляющаяся, но допускавшая манипулирование собой, начинает иссякать. В то же время люди постепенно начинают замечать, что не имеют понятия о том, чем она является...» [Серто 2013, pp. 297–298].

Релятивизацию религиозной картины мира, господство посюсторонних ценностей Ф. Ницше драматически называл “смертью Бога” в истории цивилизации Запада (см. подробнее [Андреева 2014]). Это представление прививалось медленно, вошло в глубочайшее противоречие с устоявшейся картиной мира, ломало понятие о пропорциях мироздания. М. Хайдеггер охарактеризовал ницшевскую фразу “Бог умер” как “страшную”. Фраза эта, отмечал он, означает гораздо худшее, чем «если

бы кто-то, отрекаясь от Бога и подло ненавидя Его, говорил — “Бога нет”. Еще можно как-то представить себе, что Бог сам по себе ушел от нас, из “своего живого наличного присутствия. Но вот что Бог убит, притом людьми, — вот что нелепое». И тем не менее, по Хайдеггеру, именно это и делали люди в Европе в течение трех с половиной последних веков. “Небосвод стерт” европейским рациональным субъектом, для которого весь мир стал лишь предметом представления и активистских притязаний; человек и его *ego cogito* (я мыслю) везде находили только себя, и “все это ради собственной удостоверяющейся уверенности” в полном господстве над миром. Хайдеггер, безусловно, прав, антропоцентрическое сознание, мышление поставило Человека на место Бога, именно это и пророчествовал Ницше. Еще Г. Гегель предсказывал, что «Человек постисторический... не является более Человеком в собственном смысле слова: это “бог” (правда, бог смертный)» (цит. по [Кожев 1998, с. 76]).

Об иссякновении христианской религиозности, обмирщении религии, релятивизации религиозной картины мира в Европе XXI в. свидетельствуют результаты глобального международного проекта “Мировые ценности 2009” (World Values Survey — WVS) (см. [Андреева, Андреева 2015]), который зафиксировал: низкий уровень поддержки европейцами религиозных догматов (например, всего 36% опрошенных европейцев верят в существование ада; в остальных обследованных странах — в среднем 66%); тотальное принятие ценностных установок, резко отвергаемых церковью (только 38% европейцев считают, что женщина должна иметь детей (в остальных обследованных странах 70%), 44% оправдывают гомосексуализм, в том числе безоговорочно — 22% (в остальных обследованных странах — в среднем 13% и 5%, соответственно); осуждают аборт только 44%, причем невзирая ни на какие обстоятельства — 26% (в остальных странах 70% и 53% соответственно), развод допустим для 52% европейцев (в остальных обследованных странах — 31%). На основании данных этого исследовательского проекта можно сделать вывод, что, по существу, в Европе религия стала “культурой”, культовые действия приобрели характер “культурных”, актуализирующихся в исключительные моменты жизни, церковные ритуалы заменили светские праздники и мероприятия: только 35% посещают религиозную службу хотя бы один раз в месяц и чаще, 34% — лишь по религиозным праздникам, 31% — никогда (в остальных обследованных странах 51%, 33% и 18%, соответственно). Большая часть европейского населения не считает нужным передать последующим поколениям знание о религии и свой личный религиозный опыт, если таковой имеется: всего 24% европейцев заявили, что в детях нужно воспитывать религиозность (в остальных обследованных странах — в среднем 47%).

Поскольку религиозная вера — не отвлеченная философская концепция, а важная, долгое время остававшаяся центральной составная часть цивилизации и культуры, высшая ценность, опора государственных и общественных институтов, фундамент картины мира, то иссякновение христианской религиозности сопровождается существенными изменениями в цивилизации. Европейская цивилизация перестает быть христианской в том смысле, что ее ценности в XXI в. как совокупность аксиологических максим, основных принципов обустройства семьи, общества и государства, политико-экономических, правовых, культурных, этических и др. норм, объединяющая значимое большинство жителей Европы, служащая основой их идентичности, являются секулярными.

Христианство в Европе перестало быть сущностью повседневной жизни, а стало лишь фоном. И логическое следствие этого — стремительное перемещение центра тяжести христианства в страны “глобального Юга”. На современном этапе можно говорить о переходе в Европе секуляризации в стадию атеизации. Глубоко ошибочно было бы понимать атеизацию только как рост числа людей, осознанно отказывающихся верить в Бога. Ее важнейшим аспектом оказывается то, что даже огромная часть продолжающих считать себя верующими в действительности уже основывает свои помыслы и поступки на сугубо посюсторонних ценностях и целях, исходя из нерелигиозной, рациональной (научной) картины мира.

Историческая типология культур К. Ясперса требует дальнейшего развития: с конца XX в. мир входит в новую — “постсовременную”, пострелигиозную эпоху, и глобализация представляет собой ее наихарактернейшую черту. Как этическая основа жизни человека и общества исторически христианские ценности, безусловно, продолжают играть первостепенную роль в странах Европы и европеизированных регионов планеты. Но этика — не вера, как и философия с ее наиважнейшей составляющей — теорией познания — не религия. Сегодня даже на самом Западе цивилизационное единство его народов и культур чаще всего воспринимается как основанное на общности не религии (христианства), а на светских, социальных и политических ценностях (таких как индивидуализм, демократия и т.д.). Христианская религиозность же все больше “уходит” в страны третьего мира, где очень часто приобретает весьма причудливые на взгляд европейца, нередко синкретические с автохтонными верованиями формы воплощения: духовные (своеобразие вероучений), институциональные (особенности организации общин и религиозной жизни в них) и даже художественные (специфика религиозной архитектуры и живописи).

То же, что ныне принято именовать “общечеловеческими ценностями”, по сути, есть выражение переосмысленных в категориях сложившегося в рамках западной цивилизации на протяжении конца XVIII — XX вв. атеизированного антропоцентричного либерального дискурса нравственных и, в особенности, общественно-политических ценностей, заложенных в христианстве. “Общечеловеческие ценности” в их утвердившемся сегодня понимании есть мифологема, порожденная атеизацией западного христианского общества и этизацией его ценностей, в либерально-атеистическом контексте неизбежно пришедшая в противоречие с основами христианства как религии именно в силу непреодолимого различия между религией и этикой, пусть даже в данном случае вторая и была некогда порождена первой (подробнее см. [Бондаренко, Андреева, Евгеньева, Кавыкин 2007; Bondarenko 2011]).

Таким образом, можно констатировать деевропеизацию христианства и то, что в обозримой перспективе оплотом христианства станет глобальный Юг. Поскольку христианство — мировая религия, то эти трансформационные процессы окажут колоссальное влияние на все остальные регионы мира, прежде всего на Европейский континент. Во-первых, именно Европа конституировала традиционное христианство, именно в Европе, в Риме, располагается центр католической церкви, во-вторых, волна миграции из стран глобального Юга по целому ряду социально-экономических, климатических причин будет только нарастать, и в Европе появятся миллионы “южных” христиан. “Южное” христианство стало вызовом универсальной христианской идентичности, и можно согласиться с мнением исследователя “нового” христианства Ф. Дженкинса, что “мы стоим на поворотном моменте, который является эпохальным для современного христианского мира, подобно временам Реформации, во всем мире христианство растет и мутирует... Более того, бурные конфликты внутри христианства, вызванные противоречиями между просвещенным западным христианством и необразованным, нищим южным христианством, оставят более глубокий след, чем конфликты между христианством и исламом на века вперед” [Jenkins 2002, p. 173].

Особенности религиозности “южных” христиан

В настоящее время исследователи христианства сходятся во мнении о беспрецедентных изменениях в мировом христианстве, о сдвиге центра тяжести христианства к Югу [Bühlmann 1978; Jenkins 2002; Verstraelen 2007]. Для прогнозирования глобальных последствий этого сдвига весьма актуальна проблема изучения особенностей качественных характеристик религиозности “южных” христиан. Из трех регионов глобального Юга — Тропической Африки, Азии, Латинской Америки — сосредоточимся на особенностях христианской религиозности в Тропической Африке, поскольку это регион с наиболее динамично растущим населением. На основании исследования “Будущее мировых религий 2010–2015”, опубликованного в 2015 г. “The Pew Research

Center”, можно прогнозировать, что благодаря высокой рождаемости страны Африки к югу от Сахары увеличат долю населения мира с 12% в 2010 г. до 20% в 2050 г. Кроме того, христианское население стран этого региона увеличится в два раза (с 517 млн в 2010 г. до 1,1 млрд. в 2050 г.). Следовательно, доля христиан, живущих в странах Африки к югу от Сахары, увеличится с 24% в 2010 г. до 38% в 2050 г. Чтобы ощутить масштаб, кроющийся за этими цифрами, замечу, что на основании этого же исследования, доля мировых христиан, проживающих в Европе, будет продолжать падать (с 26% в 2010 г. до 16% к 2050 г.). Продолжит и снижение доли численности христиан такой на сегодня важный регион глобального Юга, как Латинская Америка (с 24,5% в 2010 г. до 22,8% в 2050 г.).

Таким образом, прогнозируется, что единственный регион глобального Юга — Тропическая Африка — будет демонстрировать внушительные темпы роста числа христиан и к 2050 г. прогнозируемо станет мировым центром “южного” христианства. Согласно прогнозу “Будущее мировых религий”, в период между 2010 и 2050 гг. крупнейший рост христианского населения в процентном выражении произойдет в Африке к югу от Сахары (115%). Этот регион как центр формирования южного христианства важен еще и по той причине, что здесь сосредоточивается самое молодое христианское население, которое будет формировать и определять “южное” христианство. По данным указанного исследования, распределение по возрасту христиан резко различается по регионам. Самые молодые христиане, по состоянию на 2010 г., были в странах Африки к югу от Сахары (средний возраст 19 лет), в странах Латинской Америки (средний возраст 27 лет), в то время как средний возраст христиан в Европе — 42 года.

Африканский континент в начале XXI в. — один из наиболее религиозных регионов в мире. За XX в. кардинально изменился его религиозный ландшафт. Если в 1900 г. среди населения региона насчитывалось 76% приверженцев традиционных культов, 14% мусульман и 9% христиан, то по данным “World Religion Database” (см. [Pew Forum... 2010]) в 2000 г. христиане составляют уже 57% жителей региона, мусульмане — 29%, приверженцы местных культов — около 13%. Четко видно, что 1950 г. стал точкой разворота ситуации. Если до этого количество приверженцев ислама и христианства росло медленно и было приблизительно одинаковым, то затем начался взрывной рост численности последователей этих религий. При этом христианство демонстрировало двойные темпы увеличения своих последователей по сравнению с исламом.

Контуры современного территориально-конфессионального разграничения континента начали оформляться с середины XIX в., когда страны Запада начали захватывать в Африке обширные территории и проводить политику массовой христианизации местного населения. При этом вероисповедная принадлежность страны-колонизатора автоматически переносилась в виде попытки христианизации населения и на подконтрольную территорию. Таким образом, контуры протестантских и католических регионов современной Африки были предопределены странами-колонизаторами. После крушения колониализма в середине XX в. начался новый этап христианизации, характеризующийся политикой приспособления к местным особенностям, провозглашением равенства всех христиан вне зависимости от расы. Для этого этапа был характерен прежде всего синкретизм — слияние некоторых элементов местных религий с христианством, а в социально-политической сфере — призыв к социальной гармонии, политической и социальной ответственности местных элит. Последствия такой политики привели к взрывному росту численности христиан в регионе, который занял третье место в мире по количеству христиан.

На данный момент возможности христианского прозелитизма практически исчерпаны, рост адептов христианства жестко коррелирует с ростом численности населения, уже исповедующего ту или иную религию. Практически Африка как континент поделена между приверженцами ислама и христианства. Линия условного размежевания проходит от Сомали на востоке до Сенегала на западе. Именно в странах этого пограничья впервые предприняла атаку террористическая организация “Аль-Каида”, взорвав посольства США в Кении и Танзании в 1998 г., происходила кровопролитная

многолетняя гражданская война между мусульманским Севером и христианским Югом в Кот-д'Ивуаре, в Нигерии продолжается кровопролитие и многочисленные террористические акты мусульманской организации "Боко Харам".

Для понимания особенностей современного христианства в Тропической Африке важен факт христианско-исламского конфликта в странах пограничья. Только в 2015–2016 гг. информационные агентства регулярно сообщали о кровавых событиях, связанных с нападениями прежде всего исламистских экстремистов на мирных граждан. Все это свидетельствует о дальнейшей эскалации конфликта. Как пример действий религиозных экстремистов — и христиан, и мусульман — можно привести события в Центрально-Африканской республике (ЦАР). С начала 2013 г. в стране действуют исламистские отряды "Seleka", вышедшие из подчинения бывшему главе государства М. Джотодиа. Они устраивают акции устрашения, завершающиеся гибелью мирных жителей. В ответ христиане ЦАР нападают на мечети, грабят и убивают их прихожан. Радикальный ислам вызывает ответную реакцию — радикализацию христианства. Стоит заметить, что XXI в., возможно, станет веком столкновения секуляризма с религиозным мировоззрением — ислама и "южного христианства" и последователей "южного христианства" между собой.

Анализ количественного состава приверженцев различных христианских конфессий и деноминаций показывает, что лидирующее положение по состоянию на конец 2010 г. уверенно занимают протестантские деноминации — 295,51 млн, что составляет 57,2% от общего числа христиан региона. Количественно половина всех африканских протестантов приходится на две страны — ЮАР (36,55 млн и 72,9% от численности населения страны) и Нигерию (59,68 млн и 37,7%).

Теперь проанализируем особенности христианской религиозности населения в странах южнее Сахары. Для выяснения характеристик религиозности населения "The Pew Forum" провел с декабря 2008 г. по апрель 2009 г. масштабное исследование [Resources 2009] в 19 странах (Мали, Сенегал, Гвинея Биссау, Гана, Нигерия, Чад, Камерун, Демократическая Республика Конго, Уганда, Кения, Руанда, Танзания, Мозамбик, Эфиопия, Джибути, Замбия, Ботсвана, ЮАР, Либерия) с разным конфессиональным составом и уровнем жизни. Население этих стран составляет 75% от общей численности населения региона. Было опрошено 25 тыс. человек, представляющих 60 языков и диалектов. Примерно 90% опрошенных в декабре 2008 г. — апреле 2009 г. респондентов-христиан заявляют, что религия играет исключительно важную роль в их жизни.

Однако тут встает вопрос: действительно ли сторонники традиционных религий отказались от своих традиционных верований под воздействием христианства или мы имеем в той или иной мере феномен двоеверия? Согласно данным опроса, 27% африканцев верят в защитную силу жертвоприношений духам и предкам. Среди христиан в силу языческих обрядов верят 25%. Таким образом, можно сделать вывод, что **каждому четвертому христианину в регионе присуще двоеверие.**

При характеристике христианской религиозности африканцев следует исходить из того, что под религиозностью понимается социальное качество индивида и группы, выражающееся в совокупности их религиозных свойств (признаков). Характер религиозности можно определить как качественную и количественную особенность, специфику черт религиозности индивида, группы, населения. Религиозность фиксируется с помощью критериев (индикаторов). В качестве таковых выступают: признаки сознания, поведения, включенности в религиозные отношения, прежде всего религиозная вера. Она включает знание и принятие в качестве истинных определенных религиозных идей, понятий, представлений, догматов и уверенность в существовании гипостазированных существ. Степень собственно религиозности можно определить в первую очередь верой в религиозные догматы — фундамента религиозного мировоззрения, воплощающие трансцендентные ценности бытия.

Один из таких догматов для христиан — ожидание второго пришествия Христа, которое является основным фокусом христианской эсхатологии как религиозного

учения о конечных судьбах мира и человечества. Теме второго пришествия уделено большое внимание на страницах Нового Завета. Согласно христианской эсхатологии, второе пришествие Христа будет внезапным и неожиданным, оно застанет врасплох тех, кто не готовится к нему. Для ранней христианской церкви было характерно напряженное ожидание скорого пришествия Христа. Идеалы христианской теократии наиболее полно были изложены Бл. Августином (354—430 гг.) в его знаменитом трактате “О Граде Божьем”. Многие положения христианской идеи всемирного Града Божия впоследствии были заимствованы проповедниками теократии. Нечеткость обозначения граней между вечным и временным миропорядками у Августина позволили им поставить учение богослова на защиту своих интересов. Это касалось, главным образом, идей Августина об универсальной роли христианской церкви, объединяющей и организующей космосоциальный порядок бытия и отстаиваемой богословом в многочисленных полемике с еретиками позиции о непреложном авторитете вселенской церкви. По данным опроса, 61% христиан региона верят в пришествие Христа еще при их жизни. Таким образом, можно говорить о **напряженном эсхатолого-теократическом ожидании как одной из доминирующих особенностей христианской религиозности в регионе.**

Замечу, что у автохтонных африканских религий отсутствовали развитые эсхатологические представления. Исследователь религии и этнограф С. Токарев констатирует, что эсхатологические мифы «встречаются гораздо реже и лишь на высокой ступени развития, эсхатологические: рассказы-пророчества о конце мира. Эти рассказы-пророчества можно отнести к области мифологии, пожалуй, лишь условно: ведь мифы обычно повествуют о делах давно минувших дней, а тут дело идет о будущем. Однако и по связи с космогонической мифологией, и по обычному для мифов олицетворяющему стилю рассказа эсхатологические представления укладываются все же в рамки именно мифологии. Элементы эсхатологии можно найти и у некоторых отсталых народов. Но развитые и яркие повествования о грядущей мировой катастрофе наличествуют лишь в немногих сложных мифологиях и обычно носят на себе ясный отпечаток богословских спекулирующих жрецов. Известны эсхатологические мифы у древних майя и ацтеков, в маздеистской религии Ирана, в христианстве (“Апокалипсис” и пр.), в талмудическом иудаизме, в исламе, в скандинавской мифологии» [Токарев 1990, с. 541].

Эсхатологичность современного афрохристианства, казалось бы, должна войти в противоречие с наследием автохтонных религиозных культов, где жизнь виделась «протекающей по временному и одновременно пространственному кругу “рождение — жизнь — смерть — новое рождение” (“земля — небо — земля”), и прежде всего поэтому вне человеческого общества, вне пространства время ими не мыслилось. Таким образом, прошлым представлялось все время существования людей до этой жизни данного поколения. Но и его представители жили в прошлом — в обликах других людей и духов. Прошлое оказывалось неразрывно связанным с настоящим, его субстратом и как бы составляющей. Что касается будущего, то оно виделось как отражение или даже повторение, воспроизведение прошлого и того, что ныне еще является настоящим» [Бондаренко 1995, с. 38].

Разрешение этого противоречия видится в том, что тип мышления в современной Тропической Африке сохранил архаические, традиционные параметры. Мышлению архаического и традиционного человека (о понятиях “архаический и традиционный человек” в связи с понятиями “архаический и традиционные типы культуры” (см. [Ясперс 1991; Романов 1991; Пространство и время... 1996]) было свойственно функционирование по принципу бинарных (двоичных) оппозиций, когда входящие в них диаметрально противоположные элементы не противостояли друг другу абсолютно; напротив, их взаимодействие приводило ко взаимопроникновению, слиянию и в итоге превращению одного члена бинарной оппозиции в свою (якобы) противоположность. Последнее являлось следствием так называемого “синкретического” мышления, характеризующегося недифференцированностью, органическим единством

“иррационально-рационального”, игнорированием различий между ними как принципиально разными способами мышления и поведения. Именно синкретизм мышления позволяет примирить линейность христианской эсхатологии и циклизм автохтонных африканских культов. Именно синкретизм мышления африканцев непротиворечиво объединил в афрохристианстве наследие автохтонных культов и монотеизм христианства в целостное религиозное мировоззрение.

Для религиозного сознания характерна вера в чудеса, в божественное исцеление. Так, 56% африканцев заявили, что были свидетелями или испытали на себе божественное исцеление. О религиозном характере сознания христиан-африканцев свидетельствует и то, что в среднем 56% опрошенных верят, что Бог предоставит богатство и хорошее здоровье тем, у кого есть крепкая вера. Религиозное сознание определяет религиозное поведение как совокупность взаимосвязанных действий индивида или группы, реализующих религиозные предписания.

Ведущими критериями культовой стороны религиозного поведения являются частота посещения богослужений, молитва, соблюдение религиозных предписаний, празднование религиозных праздников. Согласно опросу, в среднем 81% христианского населения Тропической Африки посещают религиозные службы не реже одного раза в неделю. В среднем 72% христиан молятся не реже одного раза в день. Высок процент христиан, соблюдающих предписания в Великий пост, — 69%. Таким образом, можно констатировать, что христиане в Африке регулярно и часто совершают акты культового действия, главный мотив которых — религиозный.

Религиозное сознание воздействует на мотивацию социальной деятельности, отношение к социальной действительности. С этой точки зрения важным вопросом, показывающим роль религии в повседневной жизни, был вопрос о поддержке Священного Писания в качестве правовой основы жизни в стране. В среднем 60% опрошенных христиан назвали Библию источником права в своей стране. Религиозные тексты как источник права — свидетельство цельного религиозного (теократического) сознания, которое стремится и в мирских отношениях руководствоваться священными текстами своей религии. Однако в этом кроется и потенциальный источник напряженности в странах, имеющих значительное количество приверженцев как и ислама, так и христианства. Яркий пример — Нигерия, где бушует кровавый межконфессиональный конфликт.

Итак, африканца можно охарактеризовать как прочно верящего в основные положения религиозного вероучения, зачастую соединяющего с христианством или исламом элементы традиционных верований, живущего напряженными эсхатологическими ожиданиями, осознающего себя членом определенной религиозной общности, регулярно и часто совершающего акты культового действия, главный мотив которых — **религиозный**. В социальной деятельности он руководствуется **религиозным сознанием, стремящимся к теократическим формам реализации**. Можно согласиться с И. Исаевым, что теократия как идея характеризуется не столько взглядами о взаимоотношении государства и церкви, политики и религии, сколько особенностями логики теократического мышления: “В теократическом стереотипе государственно-правового мышления характерным является не только и не столько степень соотнесения и разделения духовной и светской властей. Напротив, для него свойственно стремление к тотализации, причем идеологический характер мышления стимулирует в первую очередь тотализацию духовных и невидимых аспектов власти... Тотальность подобного политического мышления стимулировалась, прежде всего, глубинной идеей всеединства, которая, на наш взгляд, может быть определена как своего рода архетип” [Исаев 1988, с. 111].

Цельность религиозного сознания приверженцев афрохристианства — потенциальная основа возникновения религиозных конфликтов. Например, в только что упоминавшейся Нигерии 58% населения считают религиозный конфликт очень большой проблемой для страны. Цельное религиозное сознание исходит из того посыла, что догматы лишь своей религии истинны, следствием чего оказывается отсутствие

необходимости размышления или ознакомления с догматами других религий. Согласно опросу, менее половины христиан стран Тропической Африки знают что-либо о вере друг друга. Фактом из этого же ряда является и то, что большинство опрошенных христиан отрицательно относятся к межконфессиональным бракам, не желают женить или выдавать замуж за иноверцев своих детей.

Одна из недавних страниц истории Тропической Африки — геноцид в Руанде (1994 г., около 800 тысяч погибших), когда этническое большинство — хуту планомерно уничтожали этническое меньшинство тутси. При этом в Руанде христиане убивали христиан, причем при участии некоторых представителей духовенства. То есть градус нетерпимости, переходящий в насилие, — тоже реалии современного христианства в Тропической Африке. Безусловно, в истории христианства есть и Варфоломеевская ночь, и религиозные войны, и костры инквизиции, но эти события воспринимаются сегодняшним “северным” христианином как далекое прошлое. Ментально и богословски оно осмыслено как греховное, как отступление от истинного христианства. Это показывает, что северное и южное христианство живут в разном цивилизационном временном измерении.

Ныне же африканский континент стал континентом с высочайшей религиозностью христианского населения. Причем эта религиозность имеет ярко выраженную **теократическую направленность**, находящую свое выражение в одобрении государственного правового регулирования общественной жизни, на основе священных текстов, эсхатологическом ожидании второго пришествия Христа.

“Следующее христианство”

Можно согласиться с мнением Ф. Дженкинса, что в “южном” христианстве видны не только географические, но и глубокие качественные его отличия от христианства Запада (“северного”), что позволяет определять его как нарождающуюся новую глобальную реальность, как “следующее христианство”. Христианство стремительно перемещается от образа жизни по европейскому секулярному образцу (антропоцентризм, демократия, права человека, общество потребления) за пределы устоявшихся веками институциональных форм и традиций. “Южное” христианство — религия бедных и обездоленных, для которых евангельская бедность — не метафора. Все особенности, присущие “южному” христианству (религиозный фундаментализм как вера в божественный правопорядок, восприятие истин откровения в буквальном смысле, как если бы это были рекомендации к социальной активности, реальное, а не метафорическое ожидание чудес, теократия как единственно правильное устройство земного “должного”, симбиоз традиционного христианства и традиционных религиозных культов, что ведет в восприятию Христа как предка, целителя, великого знахаря), не позволяют объединить его с традиционным христианством так называемого глобального Севера. То, что мы видим в современной Африке, — это не “неправильное” христианство, это современное христианство XXI в.

Возникает вопрос, что принесет традиционному христианству такое перемещение центра тяжести на глобальный Юг? На мой взгляд, ответ не однозначен. С одной стороны, описываемые процессы ведут к архаизации традиционного христианства. А. Тойнби отмечал, что архаизм присущ стадии “Раскола-и-Палингенеза”, предшествующей гибели цивилизации. Архаический импульс, возникающий в обществе, отягощенном проблемами самосохранения перед лицом приближающейся гибели, и стремление любой ценой остановить неумолимый ход времени, в результате неизбежно приводит архаизм к самоуничтожению: его слабость кроется в самой природе этого явления, в невозможности примирить прошлое и настоящее с будущим [*Тойнби* 1991, с. 426—427]. С другой стороны, если под воздействием “южных тенденций” христианство способно обновиться и обрести жизненную силу, то это может стать свидетельством того, что христианство вышло за рамки традиционного христианского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Л.А. (2014) Европа: секулярный или постсекулярный мир // *Общественные науки и современность*. 2014. № 5. С. 157–165.
- Андреева Л.А., Андреева Л.К. (2015) Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // *Социологические исследования*. 2015. № 3 (371). С. 82–88.
- Бондаренко Д. (1995) Бенин накануне первых контактов с европейцами. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д.М., Андреева Л.А., Евгеньева Т.В., Кавыкин О.И. (2007) Судьбы христианства в современной России в контексте глобализационных процессов. М.: Институт Африки РАН.
- Исаев И. (1988) Рецидив теократической утопии: церковь и феодальная государственность в расколе. – Историко-правовые вопросы взаимоотношений государства и церкви в истории России. М.: ВЮЗИ.
- Кожев А. (1998) Идея смерти в философии Гегеля. СПб.: Логос.
- Пространство и время в архаических и традиционных культурах. (1996) М.: Институт Африки РАН.
- Романов В.Н. (1991) Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука.
- Серто М. де. (2013) Изобретение повседневности. СПб.: Издательство Европейского университета.
- Токарев С.А. (1990) Ранние формы религии. М.: Наука.
- Тойнби А. (1991) Постижение истории. М.: Прогресс.
- Ясперс К. (1991) Смысл и назначение истории. М.: Политиздат.
- Bondarenko D.M. (2011) The Second Axial Age and Metamorphoses of Religious Consciousness in the Christian World // *Journal of Globalization Studies*. 2011. Vol. 2. No. 1. Pp. 113–136.
- Bühlmann W. (1978) *The Coming of the Third Church*. Maryknoll, NY: Orbis Books.
- Global Christianity (2011) A Report on the Size and Distribution of the World's Christian Population (<http://www.pewforum.org/2011/12/19/global-christianity-exec>).
- Jenkins F. (2002) *The Next Christendom: The Coming of Global Christianity (Future of Christianity Trilogy)*. Oxford: Oxford University Press.
- Pew Forum on Religion & Public Life (2010). April. (<http://www.pewforum.org.aspx>)
- Poupard P. (1985) *Chiesa e culture*. Milano: Vita e Pensiero.
- Resources on Islam and Christianity in Sub-Saharan Africa (2009) (<http://www.pewforum.org/2011/02/17/resources-on-islam-and-christianity-in-sub-saharan-africa/>).
- Verstraelen F. J. (2007) “Jenkins’ The Next Christendom and Europe” in *Global Christianity: Contested Claims*. Amsterdam: Rodopi.

De-Europeanization of Christianity in the XXI Century: the Phenomenon of “Southern Christianity”

L. ANDREEVA*

**Andreeva Larisa — Doctor of Philosophical Sciences, RAS professor, Senior Researcher, Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences. Address: 90, Profsoyuznaya str., Moscow, 117630. E-mail: ons@naukaran.com*

Abstract

The article is devoted to the studying of the process of changing of the traditional ethnic and geographic localization of Christianity at the beginning of the XXI century, the transition of the center of Christianity from the “global North” to the “global South’s” countries and the formation of the new trend in Christianity i.e. “Southern” Christianity as a result of these. The conclusions, which are based on the analysis of religiosity “of the southern” Christians, reveal not only geographical, but also profound qualitative differences between the “Southern” Christianity and the “Northern” Christianity of the Global

West. The results of the analysis allow us to define the “Southern” Christianity as the new emerging global reality and as the “Next Christianity” and to conclude that the “Southern” Christianity is compatible with the so-called “traditional Christianity” of the “Global North” to a small extent. This transition of the “center of gravity” to the “Global South” threatens the traditional Christianity with archaization, which is understood as a decline of Christianity.

Keywords: Christianity, de-Europeanization of Christianity, “southern” Christianity, religious, archaization of Christianity.

REFERENCES

- Andreeva L.A. (2014) Evropa: sekulyarnyy ili postsekulyarnyy mir [Europe: secular or post-secular world]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 157–165.
- Andreeva L.A., Andreeva L.K. (2015) Sekulyarnyy ili postsekulyarnyy mir? Verifikatsiya kontseptsiy. [Secular or post-secular world: Verifying of the concepts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3 (371).
- Bondarenko D. (1995) *Benin nakanune pervykh kontaktov s evropeytsami* [Benin on the eve of first contacts with Europeans]. Moscow: Institute of African Studies, RAS.
- Bondarenko D.M., Andreeva L.A., Evgen'eva T.V., Kavykin O.I. (2007) *Sud'by khristianstva v sovremennoy Rossii v kontekste globalizatsionnykh protsessov* [Christianity fate at the modern Russia globalization processes]. Moscow: Institute of African Studies, RAS.
- The Future of World Religions: Population Growth Projections, 2010–2050*. (2015) April. (<http://www.pewforum.org/2015/04/02/religious-projections-2010–2050>).
- Isaev I. (1988) *RetSIDiv teokraticheskoy utopii: tserkov' i feodal'naya gosudarstvennost' v raskole*. — *Istoriko-pravovyye voprosy vzaimootnosheniy gosudarstva i tserkvi v istorii Rossii* [Relapse theocratic utopia: the church and the feudal state of schism. — Historical and legal issues and relations between the state of the church in the history of Russia]. Moscow: All-Union Correspondence Institute of Law.
- Kozhev A. (1998) *Ideya smerti v filosofii Gegelya* [Mortal idea at the Hegel philosophy]. St.-Petersburg: Logos.
- Poupard P. (1985) *Chiesa e culture*. Milano: Vita e Pensiero.
- Prostranstvo i vremya v arkhaiskikh i traditsionnykh kul'turakh* (1996) [Space and time at the archaic traditional cultures]. Moscow: Institute of African Studies, RAS.
- Romanov V.N. (1991) *Istoricheskoe razvitiye kul'tury. Problemy tipologii*. [Culture historical development. Problems of typology] Moscow: Nauka.
- Serto M. de. (2013) *Izobretenie povsednevnosti* [Invention of the everyday life]. St.-Petersburg: European Univ. Press.
- Tokarev S.A. (1990) *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Nauka.
- Toynbi A. (1991) *Postizhenie istorii* [Understanding of history]. Moscow: Progress.
- Rosenthal E. (1962) *Political Thought in Medieval Islam*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Verstraelen F.J. (2007) *“Jenkins’ The Next Christendom and Europe” in Global Christianity: Contested Claims*. Amsterdam: Rodopi.
- Yaspers K. (1991) *Smysl i naznachenie istorii* [Meaning and the purpose of history]. Moscow: Politizdat.